

Николай Васильевич Калачов

**Архив историко-
юридических сведений,
относящихся до России**

Книга II. Часть II

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н63

Н63 **Николай Васильевич Калачов**
Архив историко-юридических сведений, относящихся до России: Книга II.
Часть II / Николай Васильевич Калачов – М.: Книга по Требованию, 2012. –
544 с.

ISBN 978-5-458-04905-4

ISBN 978-5-458-04905-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

II

	<i>Стр.</i>
11. Новые свидетельства о родѣ и рожавицахъ, сообщ. <i>И. Г. Заблудинъ</i>	64—66
12. Дополненіе къ статьѣ первой, <i>А. Н. Данишевскій</i>	67—74
13. Описаніе свадебныхъ образовъ у Малороссійанъ во второй половинѣ XVIII столѣтія, <i>Г. Калмытская</i>	75—88

ПРИЛОЖЕНІЯ :

1. Указатель книгъ по Русской исторіи, географіи, статистикѣ и Русскому праву, за 1849 г., составлен. <i>М. Н. Канушевскій</i>	3—36
Ключъ къ нему.	37—36
2. Указатель статей по Русской исторіи, географіи, статистикѣ и Русскому праву, помещенныхъ въ Отечественныхъ запискахъ (изданныхъ <i>Н. Свинцинымъ</i>), составлен. <i>А. Н. Данишевскій</i>	1—123
Опечатки.	124

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.
ДОПОЛНЕНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ
къ
ОТДѢЛЬНЫМЪ ИСЛѢДОВАНІЯМЪ
и
ИЗДАНЫМЪ МАТЕРІАЛАМЪ,
КАСАЮЩИХСЯ
ВНУТРЕННЯГО БЫТА РОССІИ.

І.

РУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ

и

ПОГОВОРКИ,

(Дополненія къ изданію И. Снегирева: «Русскія народныя
пословицы и притчи». Москва, 1848 года).

статья

В. Буслаева.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
1. О значеніи пословицъ и историческомъ развитіи ихъ.	1— 62
2. Обзоръ источниковъ.	62— 73
3. Пословицы и притчи.	73—162
4. Заключение.	162—168
5. О Бѣлорусскихъ пословицахъ и поговоркахъ (приложеніе). . .	163—176

РУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ.

(Дополненіе къ изданію И. Снегирева: «Русскія народныя пословицы и притчи.» Москва, 1848 года).

Предлагаемое читателямъ сочиненіе обязано своимъ происхожденіемъ внимательному изученію книги г. Снегирева: «Русскія народныя пословицы и притчи». Чтобы дать себѣ ясный отчетъ о собранныхъ въ этомъ изданіи матеріалахъ, мы должны были обратиться къ источникамъ, откуда были они взяты, а также къ современному употребленію пословицъ въ устахъ народа. Такимъ образомъ составилось у насъ значительное собраніе поговорокъ и пословицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя казались намъ замѣчательными по содержанію и выраженію, нѣкоторыя же предлагали весьма любопытные варианты и поправки напечатанному г. Снегиревымъ. Такъ какъ правильность и точность текста при изданіи пословицъ самое существенное дѣло: то мы надѣялись и читателямъ, и издателю «Русскихъ народныхъ пословицъ и притчей» оказать нѣкоторую услугу исправленіемъ того, что, по крайнему разумѣнію, нашли неточнымъ и неправильнымъ въ этомъ изданіи. Такая — какъ всякій видитъ — утомительная критика не могла объять всего собранія г. Снегирева, потому что мы не могли имѣть подъ рукою всѣхъ источниковъ, которыми пользовался этотъ почтенный ученый, болѣе двадцати лѣтъ извѣстный въ нашей литературѣ собраніемъ и объясненіемъ пословицъ. По крайней мѣрѣ предлагаемъ читателямъ столько исправленій и дополненій къ книгѣ г. Снегирева, сколько могли мы сдѣлать, руководимые надеждою, что и малое оцѣнится по достоинству въ настоящее время, когда со всѣхъ концовъ Россіи сносятся богатства роднаго слова въ Русское Географическое Общество, когда Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ издаетъ превосходный «Словарь областныхъ реченій», и когда такой глубокой знатокъ народной рѣчи, какъ Далъ, предпринимаетъ въ обширныхъ размѣрахъ трудъ надъ Русскими пословицами. Собраніе народныхъ

изреченій есть дѣло столь трудное, что его не выполнить никогда одному человѣку: чѣмъ больше рукъ работаетъ надъ нимъ, тѣмъ успѣшнѣе будетъ оно подвигаться впередъ. Потому мы вполнѣ увѣрены, что въ нашихъ исправленіяхъ изданія г. Снегирева разсудительный читатель увидитъ только желаніе общей пользы и внимательное изученіе, какого заслуживаетъ эта книга. Мы увѣрены также, что изъ немногаго, нами собраннаго вновь, не все окажется годнымъ, и кое-что, въ свою очередь, подвергнется исправленіямъ.

При собираніи пословиць и поговорокъ естественно могло накопиться у насъ нѣсколько лингвистическихъ замѣчаній. Сін послѣднія, приведя въ нѣкоторую систему, предлагаемъ благосклонному вниманію читателю, какъ предисловіе къ вашему небольшому собранію.

Вмѣстѣ съ образованіемъ грамматическихъ формъ, происхожденіе пословицы восходитъ ко временамъ доисторическимъ; и какъ языкъ отъ древнѣйшей эпохи, по преданію, переходитъ изъ рода въ родъ, сохраняя и до нашихъ временъ свои существенныя свойства въ устахъ народа, такъ и пословица, составившаяся при чуждыхъ нашимъ временамъ обстоятельствахъ давно угасшей жизни, по преданію же, доходитъ и до насъ въ народной рѣчи. Между такой древнѣйшей, доисторической притчей и пословицами позднѣйшими занимаютъ мѣсто собственно историческія, пріуроченныя къ какому-нибудь историческому факту, лицу или учрежденію. Къ симъ послѣднимъ пословицамъ должно отнести цѣлый рядъ народныхъ реченій, начиная отъ Несторовыхъ притчей о Радѣ, Волчьемъ Хвостѣ, и до позднѣйшихъ намековъ на событія и лица даже нашего столѣтія. Въ этомъ отдѣлѣ получаютъ свое мѣсто пословицы о Татарахъ, какова напр. «постой, Татаринъ! дай саблю вынуть, — о бѣлой дани, напр. «будто бѣлую дань платить, — о мѣстничествѣ, напр. «по имени тебѣ можно мѣсто дать, по изотчеству можно пожаловать», и мн. друг. Однако, сколько бы ни набралось такихъ историческихъ пословиць, безъ сомнѣнія, драгоцѣнныхъ и для историка, и для лингвиста: все-таки далеко не исчерпается ими все богатство народныхъ реченій, изъ которыхъ одни, именно позднѣйшей эпохи, кажутся намъ ясными и примѣнительными къ современному быту; другіе же, формации доисторической, неопредѣленны, исполнены намековъ на отжившую старицу, о которой сама исторія немногое сохранила преданій. Эти два періода въ историческомъ раз-

вѣтні пословицъ отдѣляются другъ отъ друга распространеніемъ въ народѣ свѣта Христіанскихъ идей: потому пословицы перваго отдѣла носятъ на себѣ характеръ миѣическій, втораго — Христіанскій. Пословица миѣического содержанія хотя и могла сохраниться въ употребленіи и до позднѣйшаго времени; но утратила свое настоящее, собственное значеніе, удержавъ за собою только смыслъ переносный. Такъ, напр., кто скажетъ теперь пословицу: «Солнце днемъ работаетъ, а ночью отдыхъ беретъ,» — тому уже никакъ не можетъ придти въ голову, что Солнце есть особенное существо изъ породы божествъ, и при томъ именно богиня, на которую первоначально и намекаетъ эта пословица; подобно тому какъ слѣдующія Галицко-русскія свидѣтельствуютъ о древнѣйшемъ поклоненіи свѣтлѣ: «передъ богомъ, сонцемъ, судице царѣце» — «мѣсяць нашъ божокъ, а ктожъ намъ буде боговати, якъ его не стане.» Или если кто, усиленно прося кого нибудь, выразится пословицею: «полно *коляду* томить:» то конечно не подумаетъ о миѣическомъ значеніи коляды. Напротивъ того пословицы періода Христіанскаго, и вообще всѣ тѣ реченія, которыя составились при обстоятельствахъ жизни, не чуждыхъ и теперешнему образу мыслей, — столь же понятны въ ихъ прямомъ, первоначальномъ значеніи, какъ и въ переносномъ. Пословицы періода миѣического гораздо больше, нежели сколько думаютъ тѣ, которые видятъ въ пословицѣ только одно позднѣйшее ея примѣненіе въ переносномъ смыслѣ, полагая, что первоначальный ея составъ произошелъ случайно, даже бессмысленно. Такова, напр., пословица: «врагъ силенъ, валяетъ и въ синемъ,» — объясненіе которой предложено будетъ въ послѣдствіи. Въ этомъ отношеніи судьба пословицы таже, что и самого языка. Мы употребляемъ слова *богатый, вѣщій, лѣкаръ, лебедь*, и др., вовсе не зная и не предполагая, какой имѣли они смыслъ первоначально въ эпоху миѣическую. Есть впрочемъ въ нѣкоторыхъ пословицахъ ясныя намеки на переходъ ихъ изъ періода миѣического въ Христіанскій. Сюда относятся тѣ, въ которыхъ миѣическое божество или замѣняется словами: *врагъ, блсъ, чортъ*, или же намѣренно унижается, какъ напр. «взялъ боженьку за ноженьку, да и о поль.»

Изученіе областныхъ нарѣчій и тщательное собраніе и изданіе пословицъ и поговорокъ по областямъ многое объясняютъ въ нашей старинѣ, и особенно относящееся къ періоду миѣическому. Для примѣра возьмемъ областное слово *сшибокъ*: въ Вологодск., Ярославск. и друг. губерн. употребляется оно въ значеніи пира. Но одна пословица, употребляющаяся въ Тульской губер., еще точнѣе опредѣляетъ его значеніе: пиръ собственно погребальный, поминки. Вотъ эта пословица: «по дѣдѣ сшибокъ, а по бабкѣ щяпокъ.»

Самое слово *шибокъ*, предполагая глаголъ *шибать*, *шибаться*, указываетъ на его первоначальный смыслъ борьбы, боя, согласно съ словомъ тризна, имѣющимъ значеніе и поминокъ, и подвига, игры, битвы, какъ объясняютъ это слово Азбуковники и Памва Берында. Такимъ образомъ память о древнѣйшей тризнѣ отъ временъ Ольги до позднѣйшихъ временъ сохранилась какъ въ провинціальномъ словѣ *шибокъ*, такъ и въ соответствующей этому слову миѣической пословицѣ.

Пословицы будемъ мы разсматривать, какъ художественныя произведенія роднаго слова, выражающія бытъ народа, его здравый смыслъ и нравственные интересы. Потому исторію пословицы не станемъ дробить на мелкіе періоды по столѣтіямъ и годамъ, а предложимъ въ общемъ очеркъ, съ указаніемъ на однѣ крупныя эпохи въ развитіи пословицы въ связи съ самою жизнію и языкомъ Русскаго народа.

Безъ сомнѣнія, было время, когда Славянскія племена, вошедшія въ составъ древней Руси, вели жизнь звѣролововъ и пастуховъ. Самъ Несторъ свидѣтельствуетъ, что «Древляне живяху звѣринскимъ образомъ, живуще скотьскы;» а также «и Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: *живяху въ лѣсъ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто*,» т. е. питаясь охотою на дикихъ звѣрей и птицъ — какіе попадутся подъ руку. Поклопеніе деревьямъ и заповѣднымъ лѣсамъ идетъ, вѣроятно, отъ этой отдаленной эпохи, потому что вѣрованіе народное образуется подъ вліяніемъ обстоятельствъ жизни. Не распространяясь ни о священныя *лѣсы* или рощахъ въ Чехіи, ни о древне-русскомъ поклоненіи рощеніямъ, обращу вниманіе на остатки этого вѣрованія, сохранившіеся въ пословицахъ. О дуплѣ, какъ жилищѣ бѣса, говоритъ слѣд. послов. «*изъ пустаго дупла — либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана,*» согласная съ древнимъ свидѣтельствомъ въ житіи Князя Константина Муромскаго: «*дуплинамъ древянымъ вѣтви убрусцемъ обвѣшивающе, и симъ поклоняющеса,*» Карамз. 1, примѣч. 216. Наша пословица окончателно объясняется однимъ Польскимъ повѣріемъ, будто-бы дьяволъ, превратившись въ сову (*puszczyk*), обыкновенно сидитъ на старой дуплистой вербѣ, и оттуда вѣщаетъ, кому умереть. Потому мужики опасаются срубать старыя вербы, боясь тѣмъ раздражить самаго бѣса; отсюда Польская пословица: «*zakoszał się iak diabeł w suchéy wierzbie,*» т. е. полюбилъ, какъ дьяволъ сухую вербу. Нашей пословицей и этимъ Польскимъ повѣріемъ объясняется темное мѣсто въ Словѣ о полку Игоръ.

« дивъ кличетъ врѣху древа , велить послушати земли не знаемъ. » Известно , что въ отдаленные средніе вѣка дьяволъ представлялся между прочимъ въ видѣ птицы , сидящей на деревѣ. Мионическій *дивъ*, согласно съ Польскимъ преданіемъ, могъ предвѣщать воинамъ Игоря вѣрную смерть. О поклоненіи пнямъ свидѣтельствуется поговорка : « родила тетка, *жила въ лѣсъ, молила пнямъ.* » О языческомъ обрядѣ бракосочетанія говорится : « вѣнчали вокругъ ели , а черти пѣли : » поговорка , согласная съ обычнымъ эпическимъ выраженіемъ въ Древн. рус. стихотв. 96 : « тутъ они обручались , кругъ раїтова куста вѣнчались. » Передъ всѣми деревьями дубъ имѣлъ преимущество : въ одной Сербской пословицѣ называется онъ *вражымъ*, т. е. посвященнымъ бѣсу. « Кабы всякій день былъ божить , то не стало бы вражьяго дуба, » говорится съ намекомъ на известный обрядъ сожиганія бадняка. У насъ въ послѣдствіи лѣса заповѣдныя, или обреченныя богамъ, назывались *божелъсьемъ*, или *лѣса божіи*, т. е. заказъ, лѣсъ, молитвою на рубку запрещенный. Еще въ 1792 году, по свидѣтельству Макарова (*), многіе, въ Тульской и Рязанской губерніяхъ, бывали очевидцами, что *закащиковѣ* призывали, какъ для совершения обряда, такъ и для свидѣтельства, въ положительномъ опредѣленіи, не рубить запретнаго лѣса.

Кромѣ *дуплика*, народное повѣріе давало въ жилище бѣсу овраги и болота. Пословицы говорятъ : « горы да овраги — чортово житѣе, » — « всякому чорту вольно въ свосѣ болотѣ бродить. » Водяной демонъ по преимуществу живетъ въ омутѣ : погому говорится : « изъ омута въ адъ, какъ рукой подать. » Вѣроятно, водяному бѣсу первоначально принадлежатъ слѣд. слова Сербской пословицы : « тяжко мнѣ отъ того , кто не умѣетъ плавать ; а кто умѣетъ — тотъ мой. » потому что у чловѣка умѣющаго больше самонадѣянности и отваги.

Кровавая жертва , безъ сомнѣнія , приличнѣе звѣроловамъ и пастихамъ, нежели земледѣльцамъ. Даже во времена Нестора Вятичи, какъ онъ самъ свидѣтельствуется, вели тотъ языческій, грубый образъ жизни , которымъ онъ отличилъ Древлянъ отъ Полянъ. Замѣчательно , что въ областныхъ нарѣчіяхъ и доселѣ сохранились слѣды глубокой древности , восходящей ко временамъ доисторическимъ. Такъ *молить* употребляется въ значеніи : колоть, рѣзать — въ областномъ нарѣчіи Вятскомъ, какъ значитъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1850 г., за мѣсяць февраль въ статьѣ : « Обзорнѣе губернскихъ вѣдомостей » г. Боричев-

(*) Опытъ Русскаго простонароднаго словоупотребленія, въ Чтеніяхъ Общ. Истор. и Древн. Рос.

скаго. *Молить* въ значеніи приносить жертву, давать обѣтъ употребляется въ древнѣйшихъ рукописяхъ Ветхаго Завета: такъ слово *молба* въ рукописи XVI в., В. И. Григоровича, употреблено тамъ, гдѣ въ исправленномъ текстѣ читаемъ «обѣтъ»: а именно Книг. Числ. «въ все дни *молбы* его» 6, 4. «яко *молба* богу немому на немъ на главѣ его» 6, 7. «глава бо *молбы* его» 6, 9.—Безъ сомнѣнія, читатель ясно видитъ, что о словѣ «молить» говоримъ въ его доисторическомъ значеніи, неимѣющемъ ничего общаго съ тѣмъ высокимъ понятіемъ, до котораго вознесено это слово утвержденіемъ Христіанства между Славянами. Мы говоримъ о томъ моленіи, противъ котораго такъ громогласно вопіеть слово Христіянина, который, по рукописи XIV в. въ Троицк. Лаврѣ, подъ названіемъ «Златая Чепь», именно говоритъ о невѣрующихъ, что они «не ошибуться (т. е. не отстаютъ) проклятаго моленія», т. е. жертвоприношенія идоламъ. Потому—то къ глаголу *молить* и приставляется возвратное мѣстоименіе *ся*, которое теперь ничего здѣсь не значитъ, но первоначально, имѣло смыслъ, т. е. приносить *себя* въ жертву, а не умолять или просить *себя*. Отсюда же явствуетъ, почему *молимся* употребляется съ дательн. падежемъ, т. е. приносить *себя* въ жертву *кому* Употребленіемъ этого слова въ Вятской губерніи объясняется слѣд. старинная пословица, записанная въ Архивномъ сборникѣ: «*моленой* баранъ оглучился, инъ гулящей прилучился», т. е. не попалъ на убой баранъ обреченный, такъ вмѣсто его убьемъ, какой попадетъ. Обреченная скотина непремѣнно должна быть принесена въ жертву: въ дому ужъ ей не водъ. Потому говорятъ: «*обреченная* скотинка ужъ не животинка» — она или околетъ, или достанется волку: «ловить волчокъ *роковую* овечку» записано въ Архивномъ сборникѣ. О самоубійцѣ доселѣ говорится намекомъ на языческую жертву: «вотъ цѣ и порту баранъ.» На языческую же жертву намекаетъ доселѣ удержавшееся повѣріе: кто увидитъ во снѣ корову, у того есть неисполненное обѣщаніе, неисправленный обѣтъ.

Лукъ и стрѣлы — необходимая принадлежность охотника и звѣролова. Древнія пословицы, записанныя въ сборникѣ Янкова, неоднократно упоминаютъ объ этихъ орудіяхъ: «два лука и оба туги», — «какъ жестоко лукъ натянешь, то струна скоро порвется.» Не нужно и распространяться о томъ, что эти изреченія могли образоваться и впоследствии, подъ вліяніемъ воинскаго быта. Но слѣдуетъ замѣтить, что этимъ орудіямъ, вѣроятно, предшествовало другое, болѣе согласное съ грубыми правами отдаленной старины, и простѣйшее. Такими орудіями были камень и дубина (отъ слова *дубъ*, какъ названія дерева, по преимуществу).